ГОДЪ **КІЕВСКІЯ** XXXVIII

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1900 года. № 6. 15 Марта.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОУЧИТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ

о чудотворной иконѣ Кіево-Братской Божіей Матери.[1]

„Не умолчимъ никогда, Богородице, силы твоя глаголати недостойніи, аще бо Ты не бы предстояла молящи, кто-бы насъ избавилъ отъ толикихъ бѣдъ; кто-же бы сохранилъ до нынѣ свободны; не отступимъ, Владычице, отъ Тебе, твоя бо раби спасаеши присно отъ всякихъ лютыхъ“.

Въ своихъ молитвахъ къ Богу мы всегда ищемъ предстательства и ходатайства у Владычицы Небесной, Пресв. Дѣвы Маріи Богородицы. Въ своихъ нуждахъ, болѣзняхъ и страданіяхъ мы непрестанно прибѣгаемъ къ Ней же, Премилосердной Заступницѣ рода христіанскаго. Свои радости всѣ добрые христіане несутъ къ Ней же, „рождшей намъ веселія Виновнаго“. Такъ отъ конецъ и до конецъ христіанскаго міра православнаго, непрестанно, днемъ и ночью, слышится

---

[1]) Члена Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества, священника *Ѳ. Титова.*

и возносится отъ земли къ небу на разныхъ языкахъ и въ различныхъ выраженіяхъ одна и таже, сія умилительная молитва ко Пресв. Богородицѣ: *„не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице. Ты намъ помози, на Тебе надѣемся, и Тобою хвалимся: твои бо есмы раби, да не постыдимся“*.

И Пресв. Дѣва Марія слышитъ обращенныя къ Ней мольбы. Непрестанно Она молитъ и предстательствуетъ за насъ предъ Своимъ Божественнымъ Сыномъ, нашимъ Спасителемъ. Пресв. Богородица Сама въ Своей земной жизни испытала великое множество скорбей и страданій. Потому-то Она не отказываетъ ни въ чемъ просящимъ у Нея и „всѣхъ скорбящихъ утѣшаетъ, обидимыхъ заступаетъ, алчущихъ питаетъ, больныхъ посѣщаетъ, немощныхъ покрываетъ и заступаетъ“.

Въ особенности Матерь Божія любитъ и милуетъ нашъ русскій православный благочестивый народъ. Особенная милость Божіей Матери къ намъ русскимъ и къ нашему Отечеству выражается во множествѣ чудотворныхъ святыхъ иконъ Ея. Нѣтъ, кажется, ни одного города въ нашемъ Отечествѣ, который бы не имѣлъ у себя, какъ величайшей драгоцѣнности и святыни, чудотворной иконы Богоматери. И чрезъ эти чудотворныя иконы, какъ чрезъ преизобильные источники, изливается на насъ благодать Божія, дѣйствующая во всѣхъ чудотвореніяхъ, совершающихся отъ иконъ Богоматери. Чрезъ нихъ мы получаемъ непрестанно милость, утѣшеніе, покровъ и заступленіе Царицы Небесной, Которой благоугодно бываетъ Свое особенное дерзновеніе предъ Господомъ Богомъ и особенную силу въ Своемъ предстательствѣ за насъ сообщать и Своимъ чудотворнымъ иконамъ.

Не оставила безъ Своего заступленія и покрова Матерь Божія и нашей кіевской обители, именуемыя Братскою. Угодна и пріятна была Ей, Царицѣ Небесной, та благая дѣятельность, какую избрала для себя наша кіево-братская

обитель. Обитель сія, отъ начала своего существованія, сдѣлалась и всегда была защитницею Вѣры православной въ нашемъ отечествѣ и краѣ. Свое благоволеніе и вмѣстѣ благословеніе на такую дѣятельность Кіево-братской обители, во славу истинной Вѣры Христовой, Богоматерь явила особенно тѣмъ, что Сама благоволила чудесно придти сюда и вселиться въ обители, пославъ ей Свою чудотворную икону.

Чудотворная икона, именуемая Кіево-братскою, первоначально находилась въ Вышгородѣ. Уже здѣсь отъ иконы сей совершались чудесныя знаменія. „Въ лѣто отъ рождества Христова 1651-е“,—разсказываетъ лѣтописецъ-современникъ чуда,—„въ мѣсяцѣ августѣ, егда князь Янушъ Радивилъ, гетманъ великого княжества литовскаго, съ полки своими на Кіевъ грядый, стоялъ во градѣ, нареченномъ Вышгородѣ, тогда единъ отъ воевъ еретикъ, вшедши тамо во храмъ святыхъ страстотерпецъ князей россійскихъ Бориса и Глѣба, въ самое лице икону Пресвятыя Богородицы намѣстную уязвилъ, коего уязвленія иконы Своея Приснодѣва Богородица не стерпѣвши, явися во снѣ князю Радивилу, гласомъ страшнымъ наказующи того князя, дабы за ту иконы ея язву, аки Самой Ей заданную, невѣрнаго онаго уязвителя смертію казнилъ, аще, рече, обиды моея и уязвленія, княже, не отмстиши, да вѣси, яко не изыдеши отсюда. Тогда князь онъ, аки на явѣ видя и слыша сицевое страшное прещеніе Пресвятыя Богородицы, абіе воздвижеся отъ сна и повелѣ скоро представити себѣ оного безбожного уязвителя Пресвятыя Богородицы, и тако зѣло жалѣя о уязвленіи томъ, повелѣ, дабы безъ отлаганія уязвитель онъ убитъ былъ, еже и бысть. Егда же, по повелѣнію Пресв. Богородицы, князь врага Ея погубилъ, самъ цѣло безо всякаго вреда со всѣми вои своими оттуду изыде“.

Самое пришествіе Богоматери въ Кіево-братскую обитель, въ видѣ чудотворной иконы, совершилось слѣдующимъ

чудеснымъ образомъ, „Въ лѣто отъ рождества Христова 1662-е въ мѣсяцѣ ноемврію, егда агаряне татарове, подъ тымъ-жде Вышгородомъ ставше, хотѣша на плѣненіе христіанъ въ державу царя православнаго за Днѣпръ итти, тогда вземше иконы святыя изъ церкве Вышгородскія во имя святыхъ страстотерпецъ князей Россійскихъ Бориса и Глѣба, созданная плоты себѣ къ прешествію на другую страну Днѣпра изъ тѣхъ иконъ сдѣлаша; егда же начата на иконахъ преплывати за Днѣпръ, абіе бысть шумъ бурный и страшный, и показася столпъ, аки огненный съ небесе надъ тѣми агаряны, въ коемъ страсѣ начаша агаряне утопати съ иконами иными, икона же Пресв. Богородицы таяжде уязвленная прежде отъ еретика не утопе, ниже пренесе агарянина на другую страну Днѣпра, идѣже онъ съ другими плѣнити хотяше христіанъ, но понесе его вдоль же Днѣпра подъ градъ Кіевъ, идѣже узрѣвше людіе живого плывуща, аки на плотѣ, агарянина, сняша его съ иконы, акибы съ плоту, иконы же не разсмотрѣвше быти иконою, пустиша, аки нѣкій плотъ Днѣпромъ. Тогда икона, подвигшися отъ того мѣста, идѣже агарянинъ снятъ, абіе приплыве спѣшно и ста неподвижно смотрѣніемъ чудеснымъ противу монастыря Братцкого Кіевского, идѣже познаша людіе явѣ, яко икона есть Пресв. Богородицы, и яко приплывши, тамо не движется, прочее никаможе чудеснѣ о чесомъ увидѣвше, иноцы того монастыря Братцкого, противу его же икона та ста, пріидоша чинно и вземше отъ воды, икону святую честно принесоша и поставиша ю въ своемъ монастырѣ въ храмѣ святыхъ страстотерпецъ князей Россійскихъ Бориса и Глѣба, сущемъ въ трапезѣ ихъ каменной, идѣже умыслиша иноцы тые братстіи украсити икону ту, елико мощно, еже по силѣ и сотвориша за помощію благочестивыхъ подаятелей; но язвы тоя на лицѣ иконномъ, отъ еретика заданныя, не возмоглъ есть иконописецъ закрыти, и до нынѣ есть знаменіе. Уста-

виша же тѣже иноцы пѣти предъ тою иконою акаѳистъ Пресвятой Богородицы по вся субботы, воздающе благодареніе за толикое чудесное при той иконѣ избавленіе православныхъ отъ плѣненія агарянскаго, кое избавленіе не токмо показася тогда единою, потопльшимъ безчисленнымъ агарянomъ подъ Вышгородомъ, но и множицею посемъ исповѣдаша людіе, просящіи о молебенъ предъ тою чудотворною иконою, глаголюще, яко среди агарянъ, въ Россіи многія плѣнящихъ, мы таможде бѣхомъ, но обѣтъ сотворше отпѣти предъ сею святою иконою, невредими обрѣтохомся, занеже слѣпіи не видѣша насъ, таможде сущихъ, агаряне; къ сему же и богоспасаемый градъ Кіевъ, иже прежде часто въ бѣдѣ бываше отъ агарянъ, нынѣ, по приплытіи тоя святыя иконы, никогда же дознаваетъ тако приближающихся ему, якоже прежде, агарянъ, заступленіемъ Пресв. Богородицы, чудодѣйствующей въ сей святой иконѣ“.

Одно изъ чудесъ, совершившихся отъ Кіево-братской иконы Божіей Матери, во время пребыванія ея въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, разсказываетъ и лѣтописецъ-современникъ,— именно слѣдующее. „Въ лѣто отъ рождества Христова 1664, въ мѣсяцѣ сентемврію, стоящей той святой чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, съ прословленіемъ многимъ, въ монастырѣ Братцкомъ Кіевскомъ, пріиде тамо инокиня на имя Акилина изъ Печерскаго Дѣвича монастыря, яже подъ совѣстію исповѣда, яко ѣдущи за Днѣпромъ, видѣхъ, рече, очима моими зѣло близъ мнѣ сущихъ татаръ; тогда призвавъ на помощь Пресвятую Богородицу, да избавитъ мя чрезъ благодать чудотворенія, данную сей иконѣ своей, сущей въ монастырѣ Братскомъ Кіевскомъ; ей-же предстати на молитву и обѣтъ сотворихъ, по коемъ обѣтѣ абіе рече: попусти Господи, ходатайствомъ Пресвятыя Богородицы, ослѣпленіе на татаръ, яко мимо мене поѣхаша“. Аминь.

АДРЕСЪ.[1]

ВАШЕ ПРЕОСВЯЩЕНСТВО

Преосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій нашъ Архипастырь и отецъ, и досточтимые отцы пастыри и братіе миссіонеры!

Позвольте нынѣ выразить Вамъ нашу искреннюю, глубоко сердечную, непритворную благодарность за всѣ Ваши труды и заботы по устроенію миссіонерскихъ собесѣдованій.

Кружокъ ревнителей Православія изъ праотецовъ, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Вашего Преосвященства, досточтимыхъ отцовъ, пастырей и братій миссіонеровъ, имѣлъ возможность присутствовать на всѣхъ устрояемыхъ Вами миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ съ мѣстными сектантами. Изъ этихъ собесѣдованій мы вынесли въ сердцахъ своихъ много назидательнаго, душеполезнаго и, отчасти, научились отвѣчать вопрошающимъ противникамъ о своемъ упованіи.

На этихъ собесѣдованіяхъ мы, особенно мы простецы, изъ устъ Вашего Преосвященства узнали, что, вопреки увѣреніямъ сектантовъ, каждый истинный христіанинъ есть іерей и даже епископъ только сердца своего, и не только епископъ, но и царь надъ страстями своими. Изъ устъ Вашего Преосвященства мы научились, что отвергающіе крестное знаменіе и силу его,

---

[1]) Этотъ адресъ былъ преподнесенъ преосвященному Сергію, Епископу Уманскому, а также пастырямъ и миссіонерамъ, ревнителями православія изъ народа, въ числѣ болѣе шестидесяти душъ, 2 февраля сего года, при послѣднемъ противосектантскомъ чтеніи въ народной аудиторіи, послѣ заключительной рѣчи Преосвященнаго, обращенной къ православнымъ и къ сектантамъ.

хотя бы и считали себя христіанами, не смѣютъ называть Бога своимъ Отцомъ и обращаться съ молитвою съ Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи и святымъ Его, и пр. Изъ устъ Вашего Преосвященства мы услышали и запечатлѣли въ сердцахъ своихъ, что, вопреки увѣренію сектантовъ, кто безъ епископа — тотъ не въ церкви *яже есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тимоѳ. 3, 15) и безъ коей нѣсть спасенія. Изъ устъ досточтимыхъ отцовъ пастырей мы услышали цѣлый рядъ чтеній, разъясняющихъ истинное церковное ученіе о таинствахъ и догматахъ Вѣры нашей православной. Эти чтенія въ печатныхъ экземплярахъ, полученныхъ нами изъ рукъ Вашего Преосвященства, мы хранимъ какъ зѣницу ока. Изъ устъ братій миссіонеровъ мы услышали много мудрыхъ и назидательныхъ вопросовъ, отвѣтовъ и разъясненій вопрошающимъ объ истинахъ Вѣры православной.

Посему отъ всей души и отъ всего сердца благодаримъ Васъ, Ваше Преосвященство, досточтимые отцы пастыри и братіе миссіонеры, за Ваши труды, подвиги, заботы, назиданія вѣрующимъ и назиданія заблуждающимся; благодаримъ Васъ за всѣ духовныя благодѣянія Ваши, сердечно благодаримъ Васъ, и молимъ Господа Бога,—Пречистую Матерь Его и всѣхъ святыхъ, *да духъ ревности, иже въ Васъ, николиже оскудѣетъ по славѣ Божіей* (Акаѳ. арх. Михаилу ик. 12) и святой Церкви Его, юже стяжа Христосъ Кровію Своею (Дѣян. 20, 28). Аминь.

РѢЧЬ

о православіи и о значеніи Православной вѣры въ исторіи русскаго народа [1])

Въ нынѣшній день, когда Церковь Христова Православная празднуетъ свое торжество надъ всѣми своими врагами и надъ всѣми заблужденіями человѣческаго разума въ области вѣры, и въ настоящемъ братскомъ собраніи одушевляемомъ ревностію о Православной вѣрѣ, мнѣ представляется самою естественною и наиболѣе благовременною рѣчь о православіи и о значеніи Православной вѣры въ историческихъ судьбахъ русскаго народа.

Церковь Христова, которую Господь нашъ Іисусъ Христосъ стяжалъ Себѣ кровію Своею (Дѣян. XX, 28), впервые явилась на землѣ въ видѣ самаго малаго общества, подобнаго, по слову Самого Спасителя, зерну горчичному (Мѳ. XIII. 31; Марк. IV, 31; Лук. XIII, 19). Это малое горчичное зерно, насажденное на землѣ Сыномъ Божіимъ, окропленное Пречистою Кровію Его, обильно политое кровію и слезами апостоловъ и мучениковъ Христовыхъ (1 Кор. III, 7—8), украшенное трудами великихъ подвижниковъ, отцовъ и учителей Церкви Христовой, и прочно огражденное сохраненіемъ чистаго Божественнаго Откровенія въ единомысліи сознанія вѣрующихъ, въ теченіе первыхъ восьми вѣковъ

---

[1]) Была произнесена въ соединенномъ торжественномъ собраніи Кіево-Владимірскаго Братства ревнителей православія и Кіевскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества, 27 февраля 1900 г., въ недѣлю Православія, въ залѣ Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи, свящ. *Ѳ. И. Титовымъ*.

выросло, окрѣпло и превратилось въ великое, прекрасное, благосѣннолиственное Древо. Вѣтви этого Древа широко раскинулись во всѣ концы міра, подъ сѣнію его нашли успокоеніе и плодами его начали тогда питаться многіе народы вселенной.

Отъ времени до времени, особенно въ началѣ существованія христіанской вѣры, поднимались грозныя бури и жестокіе вѣтры, которые со всею силою устремлялись на это Древо, и готовы были его уничтожить. Иногда, казалось, Древо это бывало близко къ тому, чтобы быть вырваннымъ бурею изъ земли съ корнемъ и погибнуть. Но, въ дѣйствительности, выходило совершенно обратное. Послѣ каждой бури и вѣтра, послѣ каждаго гоненія отъ языческихъ императоровъ и общества, Древо это—Церковь Христова—еще болѣе разросталось и дѣлалось еще болѣе прекраснымъ.

По временамъ появлялись на семъ Древѣ дикіе отростки, или испорченныя вѣтви, но они тогда же, или невидимымъ судомъ Божіимъ (Арій и др. еретики), или же видимымъ и открытымъ голосомъ Церкви Христовой (на Вселенскихъ соборахъ), отсѣкались и извергались вонъ (Іоан. XV, 2. 6).

Къ половинѣ IX в. нашей эры, всѣ бури и вѣтры утихли, и всѣ испорченныя, или нечистыя, или засохшія и безплодныя вѣтви были отсѣчены, и тогда Церковь Христова, эта истинная Лоза виноградная, это живое Тѣло Христово, оживляемое Самимъ Господомъ Спасителемъ Тѣла (Ефес. V, 23) и одухотворяемое животворящею силою Духа Св., явилось во всей своей красотѣ, во всей своей славѣ и величіи, торжествующею надъ всѣми своими врагами и надъ всѣми заблужденіями человѣче-

скаго разума въ области вѣры. Это и было именно торжество православной, т. е., истинной Церкви Христовой, воспоминаемое нами нынѣ.

Но и успокоившись отъ всѣхъ бурь и волненій, Церковь Христова не прекратила своей живительной дѣятельности, не пріостановила своего дальнѣйшаго возрастанія, но еще съ большею энергіей продолжала рости, цвѣсти, приносить плоды и прививать къ своему тѣлу все новыя и новыя дикія маслины (Рим. XI, 23—24).

Въ томъ-же IX в., когда Церковь православная восторжествовала надъ всѣми своими врагами и ересями, началось постепенное привитіе къ Тѣлу Церкви Христовой и той дикой маслины, какую являлъ собою нашъ русскій народъ, пребывавшій дотолѣ въ глубокомъ языческомъ мракѣ. Въ слѣдующемъ X в. совершилось окончательное просвѣщеніе русскаго народа христіанскою вѣрою и образованіе русской Церкви, одной изъ вѣтвей Церкви вселенской.

Всѣ изслѣдователи исторіи нашего народа соглашаются между собою въ признаніи того несомнѣннаго историческаго факта, что русскій народъ былъ особенно счастливъ, вступивши въ ограду Церкви Христовой въ то именно время, когда эта послѣдняя восторжествовала надъ всѣми своими врагами и надъ всѣми заблужденіями человѣческаго разума въ области вѣры. Благодаря этому, русскій народъ могъ принять и, дѣйствительно, принялъ вѣру самую чистую, ученіе вполнѣ опредѣлившееся и устройство церковное, совершенно законченное. Русскому народу оставалось только усвоить себѣ всѣ эти блага и употребить полученные богатые

таланты съ возможно большею пользою для себя и для другихъ.

Великимъ счастіемъ для русскаго народа было также и то, что онъ принялъ христіанскую вѣру изъ Византіи, изъ того источника, въ которомъ она сохранилась не только къ X в., но и послѣ того,—въ неповрежденной чистотѣ, принялъ христіанство въ формѣ восточнаго православія.

Несомнѣнно, что въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ великое опредѣляющее значеніе для всей послѣдующей исторической жизни русскаго народа, много значила и самая близость мѣстожительства русскихъ къ Византіи, представительницѣ православія. Но не въ этой близости мѣстожительства, бывшей въ данномъ событіи случайною, сущность дѣла, которая скрывается въ болѣе глубокихъ причинахъ и условіяхъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ принятіе, такъ и усвоеніе и затѣмъ безграничная преданность русскаго народа Православной вѣрѣ имѣетъ въ своемъ основаніи глубокое согласіе коренныхъ началъ православія и отличительныхъ особенностей русскаго народнаго духа. Именно этимъ согласіемъ коренныхъ началъ православія и русскаго народнаго духа объясняется рѣдкій, можно сказать, единственный въ своемъ родѣ фактъ свободнаго, мирнаго, „безкровнаго" и необыкновенно быстраго распространенія христіанской вѣры, въ формѣ православія, среди русскаго народа. Несомнѣнно, что собственно мирному распространенію православія среди русскаго народа много содѣйствовало также и слабое развитіе языческой миѳологіи, отсут-

ствіе оффиціальныхъ представителей язычества—жрецовъ и такихъ же оффиціальныхъ центровъ язычества—храмовъ у древне-русскаго народа. Но, при всѣхъ подобныхъ условіяхъ, могла бы у насъ явиться и съ такимъ же успѣхомъ, какъ и православіе, распространиться и другая вѣра и не только христіанская, но даже и не-христіанская. Слѣдовательно, если русскій народъ принялъ новую вѣру, именно въ формѣ православія, то сдѣлалъ это не по чему либо другому, какъ именно потому, что въ его основныхъ началахъ онъ находилъ для себя что-то родное, дорогое, прекрасное, предъ чѣмъ умилялась и преклонялась его душа.

Говоря такъ, мы не высказываемъ какую либо гипотезу, или даже логическій выводъ изъ посредствующихъ соображеній, но положительный фактъ, довольно явственно выразившійся въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ.

Св. великая княгиня Ольга отправляется въ Царь-Градъ, по мнѣнію однихъ, для крещенія въ столицѣ восточнаго христіанства, а по мнѣнію другихъ, для того, чтобы, уже послѣ крещенія, видѣть собственными глазами эту столицу восточнаго христіанства, и центръ византійской культуры.[1]) Здѣсь ее ожидалъ загадочно холодный пріемъ со стороны византійскаго двора, настолько невнимательный и обидный для высокоразвитой и умной великой княгини, что она, по сообщенію нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей, возвратившись изъ Царь-Града, рѣшается войти въ сношенія съ

[1]) См. у Голубинскаго Е. Исторія русской Церкви. Т. 1 полов. 1 М. 1880 г. стр. 65 и слѣд.

нѣмецкимъ императоромъ, въ видахъ просвѣщенія русской земли при помощи западныхъ миссіонеровъ.[1]) И что-же? Рѣшившись на подобный шагъ, видимо, только подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, она, вскорѣ затѣмъ, рѣшительно отказывается отъ своего намѣренія и остается до конца вѣрною и преданною православію, любовь къ которому передаетъ и своимъ потомкамъ. Св. великая княгиня Ольга поступаетъ такъ, очевидно, потому, что душа ея, лучшей представительницы и типичной выразительницы русскаго народа, „умнѣйшей" изъ всѣхъ женъ, по убѣжденію этого послѣдняго, была всецѣло на сторонѣ восточнаго православія со всѣми его особенностями.

Внукъ св. Ольги, великій князь Владиміръ Св., задумавъ перемѣнить вѣру народа русскаго, также останавливаетъ свой выборъ именно на Вѣрѣ православной, а западнымъ миссіонерамъ даетъ въ высшей степени любопытный и характерный отвѣтъ: „идѣте опять (т. е. обратно), яко отцы наши сего не пріяли суть".[2]) Почему такъ поступаетъ Владиміръ Св.? Потому, безъ сомнѣнія, что онъ и вмѣстѣ съ нимъ весь русскій народъ

---

[1]) См. тамъ-же стр. 70 и слѣд.

[2]) П. С. Р. Л. т. I стр. 36. Не забываемъ при этомъ и сужденій новѣйшей исторической критики, отрицающей всю почти фактическую сторону повѣсти нашей первоначальной лѣтописи о крещеніи Владиміра Св., (см. у Голубинскаго Е. Цит. Соч. т. 1 пол. 1 стр. 91 и слѣд.), но не придаемъ ей въ данномъ случаѣ никакого значенія. Для насъ въ разсматриваемомъ вопросѣ имѣетъ важное значеніе не столько то, какъ именно поступилъ Владиміръ Св., сколько то, какъ русскій народъ заставляетъ его поступать въ вопросахъ вѣры. Типичнѣйшій представитель древне-русскаго общества, нашъ лѣтописецъ поставляетъ просвѣтителя русской страны именно въ такую историческую обстановку, какая была желательна, близка и дорога всему русскому народу.

чувствовалъ душевную склонность, сердечное тяготѣніе къ христіанству именно въ формѣ православія.

Еще рельефнѣе и яснѣе выражается эта сердечная склонность русскаго народа къ православію, внутреннее согласіе духа русскаго народа и основъ православія въ другомъ разсказѣ нашей первоначальной лѣтописи: объ отправленіи Владиміромъ Св. русскихъ пословъ, „мужей добрыхъ и мудрыхъ", для „испытанія" и „соглядакія" различныхъ вѣръ народныхъ. Въ высшей степени любопытный для психологіи русскаго народа и весьма яркій для освѣщенія трактуемаго нами предмета принесли отчетъ Св. Владиміру эти „мужи разумнѣйшіе", лучшіе представители русскаго народа. Вотъ что они сказали своему „князю, боляромъ и старцемъ": „Придохомъ въ Нѣмци, *и видѣхомъ во храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея-же.* И придохомъ-же въ Греки, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: *нѣсть бо на земли такого вида, ни красоты такоя*, и недоумѣваемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъ дѣ Богъ съ человѣки пребываетъ, *и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя*; всякъ бо человѣкъ аще укусить *сладка*, послѣди горести не примаетъ, тако и мы не имамы сдѣ быти". [1])

Вникнемъ русскимъ смысломъ въ эту простую рѣчь нашихъ предковъ, прочувствуемъ ихъ смыслъ чувствомъ русскимъ и мы согласимся, что въ этихъ словахъ—„русскій духъ",—что послы Владиміра Св. говорили истину, гово-

[1]) См. П. С. Р. Л. т. 1, стр. 36.

рили то самое, что скажетъ и теперь всякій истинно русскій человѣкъ. Что же могло расположить „разумнѣйшихъ“ представителей русскаго народа сдѣлать такой отзывъ о Православной вѣрѣ, внѣшнія выраженія которой они видѣли впервые и впервые сравнивали ихъ въ своемъ наблюдательномъ умѣ съ такими же выраженіями „нѣмецкой“, т. е., католической вѣры? Чѣмъ могли руководиться наши предки, когда говорили, что они въ западныхъ храмахъ не видѣли „никоея красоты“, а въ восточно-православныхъ они нашли „такой видъ“ и „такую красоту“, какихъ нѣтъ на „землѣ и которыхъ они не могли послѣ забыть“, какъ не тѣмъ, что православное богослуженіе отвѣчало запросамъ и требованіямъ ихъ русскаго духа, ума и чувства? Нужно имѣть душевную склонность, любовь и сочувствіе къ тому, что сразу находишь „сладкимъ“ и „прекраснымъ“.

Итакъ, русскій народъ принялъ и усвоилъ Православную вѣру именно потому, что, видя въ ней родное себѣ, находилъ въ ней полное согласіе съ основными свойствами своего духа.

Даже и въ обыкновенной жизни человѣческой бываетъ такъ, что то, что воспринимается охотно, добровольно, по внутреннему сочувствію, пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе и имѣетъ гораздо большую силу, чѣмъ то, что принимается или равнодушно, или даже по принужденію. Тѣмъ болѣе этотъ законъ имѣетъ приложеніе въ столь важной области человѣческой жизни, какова религіозно-нравственная сторона ея.

Православная вѣра, какъ принятая русскимъ народомъ по собственному его выбору, по внутренней склон-

ности, сдѣлалась самымъ дорогимъ достояніемъ его, стала для него великою историческою силою, утвердившею его историческое существованіе, наложившею особенный отпечатокъ на всю его историческую жизнь, выдѣлившею его изъ среды всѣхъ другихъ народовъ.

Взгляните на карту Россіи X вѣка, когда русскій народъ сдѣлался православнымъ, и вы безъ труда замѣтите слѣдующее. Въ центрѣ небольшое, почти ничтожное, только что организующееся государство—русское. Государство это, находящееся на почти совершенно ровной мѣстности, со всѣхъ сторонъ не имѣетъ прочныхъ естественныхъ границъ. Разумѣется, это можетъ быть и благопріятнымъ условіемъ для дальнѣйшаго расширенія предѣловъ государства, но только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если живутъ здѣсь слабые народы. Но вы видите кругомъ совершенно обратное. Съ одной стороны, наше русское государство окружаютъ народы „нѣмецкіе", какъ тогда говорили у насъ, т. е., европейскій западъ, а съ другой—начиналось почти необозримое море инородческихъ племенъ и даже цѣлыхъ народовъ, изъ коихъ иные были и культурнѣе, и многочисленнѣе и могущественнѣе русскаго народа.

Сдѣлавшись православнымъ народомъ, русскіе сразу выдѣлились, обособились среди другихъ окрестныхъ народовъ и христіанскихъ и тѣмъ болѣе не-христіанскихъ. Православіе дало русскому государству то, въ чемъ ему отказала природа: оно дало ему опредѣленную, вѣрную и самую крѣпкую границу—духовную, отдѣлившую его, какъ отъ романо-католическаго за-

пада, такъ и отъ языческо-мусульманскаго Востока. [1]) Православіе дало русской народности ту опредѣленность, ту крѣпость, которая помогла русскому народу не только не быть поглощеннымъ католическимъ западомъ, или потонуть въ инородческомъ язычески-мусульманскомъ океанѣ, не только самому сохранить свою самобытность, но и другихъ пріобщить къ своей вѣрѣ и къ цивилизаціи. Православная вѣра до такой степени слилась съ русской народностью, что самое имя православный стало implicite заключать въ себѣ понятіе о русскихъ, и самое наименованіе русскій сдѣлалось равносильнымъ названію „православный".

---

[1]) „Россія",—говоритъ нашъ исторіографъ,—„не имѣетъ рѣзкихъ природныхъ границъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ, и, такимъ образомъ, природа дала русскимъ людямъ мало помощи, при утвержденіи ихъ народной самостоятельности. Но за то скоро исторія дала имъ для этого могущественное средство: Русь приняла христіанство, и христіанство по восточному исповѣданію. Христіанство провело рѣзкую черту между русскимъ человѣкомъ и сосѣдомъ его на Востокѣ, азіатцемъ, бусурманомъ, поганымъ. Христіанство запечатлѣло русскаго человѣка окончательно и твердо европейскимъ характеромъ; но, съ другой стороны, между русскими и ихъ сосѣдями на Западѣ, иноплеменными и чужеплеменными, прошла также рѣзкая нравственная граница, вслѣдствіе различія восточнаго исповѣданія, принятаго русскими, отъ римскаго исповѣданія, къ которому принадлежали западные европейскіе народы. Религіозное различіе, которое такъ могущественно дѣйствуетъ въ юномъ народѣ, составляя обыкновенно въ его понятіяхъ основу дѣленія на нашихъ и не-нашихъ, это религіозное различіе взяло подъ свою опеку младенствующую, неразвитую народность русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востокѣ борьба съ иновѣрными азіатскими варварами велась постоянно подъ религіознымъ знаменемъ, съ религіознымъ одушевленіемъ; а когда въ началѣ XVII в., растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религіозное одушевленіе, сознаніе религіознаго различія подняло русскихъ людей противъ польскихъ и литовскихъ людей, заставило ихъ выбрать царя изъ своихъ—и тѣмъ утвердить самостоятельность государства". Соловьевъ С. М. Исторія Россіи (Изд. Товарищ. „Общ. Польза»), т. X, стр 1406—1407.

Постепенное возрастаніе русскаго государства, усиленіе русскаго народа, его возвышеніе на степень великаго народа образованнаго,—словомъ, всѣ важнѣйшіе моменты исторической жизни русскаго народа тѣсно, неразрывно связаны съ великой идеей православія. Если мы отвлечемся отъ фактическаго содержанія исторіи нашего народа, если мы сведемъ ее къ основнымъ принципамъ, то безъ труда замѣтимъ. что самое важное мѣсто среди этихъ послѣднихъ занимаетъ православіе. Глубокая преданность православію помогла русскому народу перенести всѣ тягости татарскаго владычества, а единство Православной церкви послужило основаніемъ для политическаго объединенія Руси, раздиравшейся дотолѣ смутами удѣльнаго времени. Только безграничная любовь русскаго народа къ Православной вѣрѣ дала возможность русскому народу пережить критическій періодъ „лихолѣтья", или „московской смуты" и отстоять самостоятельность своей русской народности, именно, какъ православно-русской. Затѣмъ двукратная схватка со всею западною, романо-протестанскою Европою, въ половинѣ XIX в. окружившею исламъ[1]), въ его борьбѣ противъ Россіи, и двухвѣковая безпримѣрная борьба съ турецкимъ исламомъ въ основѣ своей имѣли ничто иное, какъ именно глубокую, беззавѣтную преданность своей Православной вѣрѣ и не менѣе глубокое отличіе православно-христіанскаго міра отъ всего прочаго христіанскаго и нехристіанскаго міра.

Особенно утѣшительно видѣть, что сами русскіе наши предки прекрасно понимали и сознавали великое

[1]) См. Хомяковъ. Собр. сочиненій, т. II, стр. 97—98. Любопытно, что сами западно-европейцы смотрѣли на крымскую войну съ Россіей, какъ именно на борьбу религіозную.

значеніе православія въ исторіи русскаго народа, и потому особенно любили, дорожили и берегли свою Православную вѣру.

Въ назиданіе себѣ и всему нынѣшнему русскому обществу укажемъ нѣкоторые примѣры подобной любви и преданности нашихъ предковъ своей Православной вѣрѣ.

Вотъ, напр, голосъ, идущій изъ самыхъ древнихъ временъ христіанства на Руси. „Нѣтъ иной вѣры лучше, чѣмъ вѣра наша, единая чистая и честная, и святая, т. е., вѣра правовѣрная“ [1]), говоритъ преп. Θеодосій Печерскій въ своемъ посланіи великому князю кіевскому Изяславу.

Или вотъ что говорилъ великій князь Василій Васильевичъ м. Исидору, который отправлялся на соборъ флорентійскій, задуманный съ цѣлью соединенія церквей, въ ущербъ чистотѣ Православной вѣры: „смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужого не приноси; если же принесешь что нибудь новое и чужое, то мы не примемъ“ [2]).

А вотъ и голосъ самаго народа русскаго изъ временъ московской смуты. Весь народъ тогда всталъ на защиту своей родной Православной вѣры. Одни города писали воодушевленныя грамоты другимъ и въ этихъ грамотахъ сами клялись „стоять за Православную вѣру и за московское государство, королю польскому креста не цѣловать, не служить ему и не прямить, московское государство отъ польскихъ и литовскихъ

[1]) См. М. Макар. Исгор. рус. церкви т. II. Изд. Ш, стр. 31 1.

[2]) См. у С. М. Соловьева. Ист. Россіи (Изд. товарищ. «Обществ. Польза“). Т. IV, стр. 1259.

людей очищать, съ королемъ и королевичемъ, съ польскими и литовскими людьми и кто съ ними противъ московскаго государства станетъ,—противъ всѣхъ биться неослабно" и пр., и другихъ побуждали къ тому же самому. Ярославцы, напр., такъ писали казанцамъ: „совершилось нечаемое, — святѣйшій патріархъ Гермогенъ сталъ за Православную вѣру неизмѣнно и, не убоясь смерти, призвавши всѣхъ православныхъ христіанъ, говорилъ и укрѣпилъ, за Православную вѣру всѣмъ велѣлъ стоять и помереть, а еретиковъ при всѣхъ людяхъ обличалъ, и еслибъ онъ не отъ Бога былъ посланъ, то такого дѣла не совершилъ бы, и тогда кто бы началъ стоять.... И въ города патріархъ приказалъ, чтобы за Православную вѣру стали, а кто умретъ, будутъ новые страстотерпцы, и, слыша это отъ патріарха и видя своими глазами, города всѣ согласились и пошли къ Москвѣ".[1])

Такъ смотрѣли на значеніе Православной вѣры въ исторіи русскаго народа наши предки! Дай Богъ, чтобы и въ нашемъ обществѣ пребывало, утвердилось и распространялось подобное истинно-русское воззрѣніе!

Но если для одной—сѣверо-восточной половины Руси православіе служило главнѣйшею основою ея народности, то въ другой—юго-западной—половинѣ мы видимъ обратное соотношеніе между вѣрою и народностію, сложившееся въ силу особенныхъ историческихъ обстоятельствъ. Здѣсь самая русская народность служила опорою и утвержденіемъ православія, хотя и это послѣднее, въ свою очередь, содѣйствовало

[1]) См. у С. М. Соловьева. Исторія Россіи. (Изд. товарищ. „Обществ. Польза"). Т. VIII, стр. 972.

сохраненію Православной вѣры въ предѣлахъ юго-западной Россіи, не смотря на самыя великія опасности для этой послѣдней. Это еще разъ и весьма краснорѣчиво подтверждаетъ нашу мысль о внутреннемъ согласіи основныхъ началъ православія и отличительныхъ особенностей русскаго народа.

Если въ сѣверо-восточной Руси нападенію враговъ и вообще опасности подвергалась самостоятельность народности русской и государства, то въ юго западной Руси, наоборотъ, главнымъ предметомъ вражескихъ покушеній и преслѣдованія была именно Православная вѣра, въ которой и сами враги западно-руссовъ видѣли могущественное средство, поддерживавшее и охранявшее русскую народность. Потому со всѣхъ сторонъ и всевозможными мѣрами преслѣдовалось здѣсь православіе. Иновѣрное правительство, власть, законъ, войско, превосходство культуры,—словомъ, всѣ, повидимому, самыя благопріятныя для успѣха условія были на сторонѣ тѣхъ, которые желали подавить въ юго-западной Руси православіе и вмѣсто него насадить здѣсь католичество, или, по крайней мѣрѣ, унію.

Но этого не допустилъ сдѣлать именно народъ русскій, который, по собственному признанію лучшихъ представителей его, не могъ привыкнуть „къ иной вѣрѣ, кромѣ той, въ которой родился и выросъ“, [1]) т. е. православной. Спасителемъ вѣры православной здѣсь явился не столько высшій, болѣе образованный классъ русскаго общества, хотя и онъ въ свое время выставилъ изъ своей среды славныхъ борцовъ за вѣру, напр.,

[1]) См. у Малышевскаго И. И. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Спб. 1897 г., стр. 315—316.

князей Острожскихъ и др., сколько именно среднiй и низшiй классъ его, простой народъ. Своею грудiю и кровiю этотъ послѣднiй отстоялъ Православную вѣру и тѣсно связанную съ нимъ народность свою.

Вотъ какое значенiе православiе имѣло въ исторiи нашего отечества! И вотъ какъ лучшiе изъ нашихъ предковъ смотрѣли на него и дорожили имъ и цѣнили его и умирали за него? Что же такое православiе, имѣвшее и доселѣ имѣющее столь важное значенiе въ жизни нашего народа, составлявшее и доселѣ составляющее великую историческую силу нашего отечества?

Трудно и невозможно въ краткихъ словахъ отвѣтить на сей важный, широкiй и многообъемлющiй вопросъ. Постараемся сдѣлать, по крайней мѣрѣ, нѣсколько пояснительныхъ замѣчанiй въ связи съ предшествующею рѣчью.

Православiе есть, прежде всего, истинная вѣрность Богооткровенному христiанскому ученiю. Православiе есть точное и неизмѣнное сохраненiе догматовъ, какъ истинъ, прямо открытыхъ Богомъ, или опредѣленныхъ, на точномъ основанiи Божественнаго Откровенiя – Св. Писанiя и Св. Преданiя, вселенскою Церковью Христовой. Потому самому православiе есть вѣрность, полное согласiе съ ученiемъ Церкви вселенской. Въ православной Церкви нѣтъ ни отступленiя отъ Божественнаго ученiя, заключающагося въ Св. Писанiи и Св. Преданiи, ни отступленiя отъ опредѣленiй, постановленныхъ вселенскою Церковью. Сказано въ Писанiи: „стойте и держите преданiя, которымъ вы научены или словомъ, или посланiемъ нашимъ“ (2 Ѳес. II, 15), и православiе одинаково хранитъ и слово Божiе, устно преданное, и слово за-

писанное. Церковь опредѣлила ни прибавлять, ни убавлять ничего въ Символѣ вѣры, и православіе свято хранитъ сіе опредѣленіе, не создавая вновь и не развивая, будто-бы, подразумѣвающихся догматовъ Вѣры.

Православіе есть вѣрность жизни ученію, согласіе внѣшнихъ проявленій нравственной жизни съ догматическимъ ученіемъ Церкви. Въ особенности эта правильность, эта вѣрность ясно выражается въ установленіи нашихъ отношеній къ Богу, какое даетъ намъ православіе. Православіе не преувеличиваетъ дѣйствія спасающей благодати, не расширяетъ этого дѣйствія до такихъ предѣловъ. что на долю человѣка не остается почти ничего, кромѣ одной только вѣры, которая все можетъ сдѣлать, помимо свободнаго участія человѣка въ дѣлѣ его спасенія. Но православіе, съ другой стороны, не умаляетъ и спасительнаго дѣйствія благодати и не преувеличиваетъ заслугъ самаго человѣка, не расширяетъ ихъ до того, что человѣкъ—праведникъ можетъ дѣлать даже сверхдолжное. Православіе учитъ насъ говорить всегда: „когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоющіе, потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать“ (Лук. XVII, 10); „благодатію вы спасены чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился“. (Ефес. II, 8—9).

Православіе есть правильное поклоненіе Богу, истинное почитаніе Бога, не только вѣрою и жизнію, но и богослуженіемъ, связаннымъ съ опредѣленными обрядами, „этою свободною поэзіей символовъ или словъ, которыми Церковь, единица органическая и живая, пользуется для выраженія своего познанія о Божест-

венныхъ истинахъ, своей безграничной любви къ своему Создателю и Спасителю, наконецъ, любви, взаимно соединяющей христіанъ между собою".[1]) Обряды эти придали особенную, оригинальную красоту нашему православному богослуженію. Это именно та красота, какой русскій не найдетъ у „нѣмца", какой нѣтъ больше нигдѣ на землѣ и какой никогда нельзя забыть.

Въ чемъ тайна „красоты" и „сладости" православнаго богослуженія? Кажется, что она больше всего заключается въ гармоническомъ употребленіи духа и тѣла человѣческаго на служеніе Богу. Въ православномъ храмѣ вы не замѣтите ни крайняго преобладанія духа надъ тѣломъ. ни полнаго господства тѣлесности, матеріальности, хотя бы то и самой прекрасной, художественно отдѣланной. Въ православномъ богослуженіи вы не услышите ни художественнаго исполненія прекрасныхъ ораторій, ласкающихъ слухъ и нисколько не умиляющихъ сердца человѣческаго, но не найдете вы здѣсь и молчаливаго, сосредоточеннаго, холоднаго возношенія ума къ Богу. Только о православномъ богослуженіи можно сказать, что въ немъ Богъ прославляется и въ душахъ и въ тѣлесахъ нашихъ. Только православное богослуженіе можетъ умилять душу христіанина, чувствующаго здѣсь таинственное соприкосновеніе міра небеснаго съ земнымъ, какъ о православномъ богослуженіи отзываются иногда даже сами иновѣрцы.[2])

Православіе есть вѣра истинно народная, —такая, въ которой одинаково свободно и спокойно чувствуютъ себя всѣ вѣрующіе безъ различія званій, состояній, положе-

[1]) См. Хомякова А. С. Собр. сочиненій. М. 1880 г. т. II. стр. 183.
[2]) См. прот. П. Смирнова. Сочиненія вып. 1. Спб 1896 г. стр. 278.

нія въ обществѣ. Въ православной Церкви вы не найдете ни разъединенія между іерархіею и паствою, ни рѣзкаго разграниченія даже въ храмѣ, даже во время богослуженія между знатными и простыми, богатыми и бѣдными, какъ это бываетъ въ другихъ инославныхъ христіанскихъ обществахъ. Только о православной Церкви можно сказать, что она есть церковь всенародная. „У насъ въ церкви можно забыть обо всѣхъ сословныхъ и общественныхъ различіяхъ, отрѣшиться отъ мірского поклоненія, слиться совершенно съ народнымъ собраніемъ, предъ лицемъ Бога. Наша Церковь большею частью и создана на всенародныя деньги, такъ что рубль отъ гроша различить невозможно; во всякомъ случаѣ Церковь наша есть всенародное дѣло и всенародное достояніе. Оттого она всѣмъ намъ вдвое дороже, что, входя въ нее, послѣдній нищій чувствуетъ совершенно такъ же, какъ и первый вельможа, что это *его* Церковь. Церковь — единственное мѣсто (какое счастье, что у насъ есть такое мѣсто!), гдѣ послѣдняго бѣдняка въ рубищѣ никто не спроситъ: зачѣмъ ты пришелъ сюда, и кто ты такой? гдѣ богатый не можетъ сказать бѣдному: твое мѣсто не возлѣ меня, а сзади... Православная Церковь *красна народомъ*. Какъ войдешь въ нее, такъ почувствуешь, что въ ней все едино, все *народомъ* осмыслено и *народомъ* держится. Войдите въ католическій храмъ, какъ въ немъ все кажется пусто, холодно, искусственно православному собранію. Священникъ служитъ и читаетъ самъ по себѣ, какъ бы поверхъ народа и отлученный отъ народа. Онъ самъ по себѣ молится по своей книжкѣ; народъ молится по своимъ,—приходитъ и уходитъ, совершивъ свои моленія

и дождавшись того или другого церковнаго дѣйствія. На алтарѣ совершается священнодѣйствіе; народъ присутствуетъ лишь при немъ, но какъ будто не содѣйствуетъ ему общею молитвою... Душа наша тоскуетъ здѣсь по своей Церкви, какъ тоскуетъ между чужими по родинѣ. То-ли дѣло у насъ: *вотъ красота неописанная, красота понятная русскому человѣку, красота, за которую онъ душу готовъ положить, такъ онъ ее любитъ.* Русское церковное пѣніе, какъ народная пѣснь, льется широкою, вольною струею изъ народной груди, и чѣмъ оно вольнѣе, тѣмъ полнѣе говоритъ сердцу. Напѣвы у насъ одинаковые съ греками, но русскій народъ иначе поетъ ихъ, потому что положилъ въ нихъ свою русскую душу. Кто хочетъ послушать, какъ эта душа сказывается, тому надобно идти не туда, гдѣ орудуютъ голосами знаменитые хоры и капеллы, гдѣ исполняется музыка новыхъ композиторовъ и справляется обиходъ по новымъ оффиціальнымъ переложеніямъ. Ему надо слушать пѣніе въ благоустроенномъ монастырѣ, или въ одной изъ тѣхъ приходскихъ церквей, гдѣ сложилось добрымъ порядкомъ хоровое пѣніе; тамъ услышитъ онъ, какимъ широкимъ, вольнымъ потокомъ выливается праздничный гимнъ изъ русской груди, какою торжественною поэмой воспѣвается догматикъ, слагается стихира съ канонархомъ, какимъ одушевленіемъ радости проникнутъ канонъ Пасхи или Рождества Христова. Тутъ оглянемся и увидимъ, какъ отзывается каждое слово пѣсни въ народномъ собраніи, какъ блеститъ оно въ поднятыхъ взорахъ, носится надъ склоненными головами, отражается въ припѣвахъ, несущихся отовсюду, потому что всякому церковному человѣку, зна-

комы съ дѣтства и слова, и напѣвы, и во всякомъ душа поетъ, когда онъ ихъ слышитъ... Счастливъ, кто привыкъ съ дѣтства къ этимъ словамъ, звукамъ и образамъ, кто въ нихъ нашелъ красоту и стремится къ ней и жить безъ нея не можетъ, кому все въ нихъ понятно, все родное, все возвышаетъ душу изъ пыли и грязи житейской, кто въ нихъ находитъ и собираетъ растерянную по угламъ жизнь свою, разбросанное по дорогамъ свое счастье. Счастливъ, кого съ дѣтства добрые и благочестивые родители пріучили къ храму Божію и ставили въ немъ посреди народа молиться всенародною молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на цѣлую жизнь, они ввели его подлинно въ разумъ духа народнаго и въ любовь сердца народнаго, сдѣлавъ и для него церковь роднымъ домомъ и мѣстомъ полнаго, чистаго и истиннаго соединенія съ народомъ“. [1])

Православіе есть вѣра, которая даетъ возможность гармоническаго. свободнаго и естественнаго развитія всей жизни отдѣльныхъ личностей, цѣлыхъ обществъ и народовъ. Эта особенность вліянія Православной вѣры на духовную жизнь людей проистекаетъ, въ свою очередь, изъ того, что въ православіи гармонично, правильно соединены два, повидимому, противоположныхъ начала: личной свободы совѣсти и соборнаго единогласія всѣхъ членовъ православной Церкви, совершенной свободы духа человѣческаго и свободнаго ограниченія каждаго индивидуума общимъ голосомъ всѣхъ другихъ членовъ Церкви, какъ живого Тѣла Христова. „Православіе“,—

[1]) См. Московскій Сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1896 г. стр. 220 - 223.

скажемъ словами одного нашего глубокомысленнаго церковнаго оратора,—есть „срединый золотой путь жизни, гдѣ чуднымъ образомъ сочетываются и вѣра и разумъ, и страхъ и любовь, и послушаніе и свобода, гдѣ не по страху, а отъ сердца и свободно повинуются предержащимъ властямъ, гдѣ тяжкое бѣдствіе, попущенное Богомъ, переносится съ смиреніемъ и упованіемъ вѣры, гдѣ истинное геройство духа, ознаменованное побѣдами, умѣетъ искренно смириться предъ поставленною отъ Бога властію въ лицѣ притѣснителя-иноземца, нисколько при томъ не роняя своего достоинства, напротивъ возбуждая къ себѣ даже въ необузданныхъ дикаряхъ невольную дань уваженія, какъ это видимъ въ жизни благовѣрнаго князя Александра Невскаго, гдѣ совершенно отрѣшившіеся отъ міра иноки, не оставляя пустыни, пріемлютъ самое живое участіе въ судьбахъ родной страны и дѣйственнѣе военачальниковъ помогаютъ ей въ борьбѣ со врагами, какъ это видимъ въ исторіи преподобнаго Сергія, гдѣ искренняя любовь и почтеніе къ Царю, помазаннику Божію, соединяется съ безбоязненнымъ дерзновеніемъ сказать ему слово правды и даже суда духовнаго, какъ это видимъ въ жизни святаго митрополита Филиппа“. [1])

Православіе, наконецъ, есть историческій завѣтъ Россіи, историческое призваніе русскаго народа, обязаннаго всѣмъ Православной вѣрѣ, и, въ свою очередь, призваннаго поддерживать и охранять св. Православную вѣру.

Такъ смотрѣли на свое призваніе сами наши предки. Когда русское государство, освободившееся отъ иноземнаго владычества, усилилось и сдѣлалось могущест-

[1]) Прот. П. Смирнова. Сочиненія Вып. 1 Спб. 1896, стр. 178—179.

венным, и когда, съ другой стороны, Византія была завоевана турками и Царь-Градъ былъ взятъ, въ русскомъ народѣ явилось и затѣмъ постепенно окрѣпло убѣжденіе, что Россія должна быть хранительницею православія,— что русскій царь-князь долженъ „о православнѣй святѣй вѣрѣ христіанстѣй веліе попеченіе имѣти", ибо онъ есть „всея русскія земли утвержденіе, а греческія вѣры— подтвержденіе и поддержатель" [1]),—что русскій государь есть „во всей поднебесной христіанамъ царь, якоже Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа, правя и окормляя Христову церковь и утверждая православную вѣру", ибо „во едино царство его по пророческимъ книгамъ сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія вѣры",—„два Рима падоша, а третій, т. е. Москва стоитъ, а четвертому не быть". [2]) Такъ въ XV—XVI в. окончательно сложилось у насъ, на Руси, воззрѣніе на Россію, какъ на единственное въ мірѣ— самостоятельное православное царство, какъ на представительницу, покровительницу и защитницу православія во всемъ мірѣ. Это убѣжденіе имѣло сильное вліяніе на умы современниковъ и легло въ основу національнаго русскаго политическаго самосознанія.

И не только сами русскіе смотрѣли такъ на себя, но и другіе, особенно обитатели православнаго Востока видѣли въ Россіи центръ православія, единственную хранительницу, покровительницу и защитницу православія. Православное населеніе Востока смотрѣло на русскаго Царя, какъ на „единаго праваго государя,

---

[1]) См. у М. Дьяконова. Власть московскихъ государей. Спб. 1889 г., стр. 55.

[2]) См. тамъ-же стр. 67.

бѣлаго Царя восточныхъ и сѣверныхъ странъ, который всѣмъ православнымъ христіанамъ Царь и Государь...,— солнце христіанское, сіяющее на востокѣ и сѣверѣ и озаряющее всю подсолнечную, утвержденіе седми соборныхъ столповъ, украшеніе церковное, какъ на второго Константина и поборника божественныхъ Церквей, христіанскую хоругвь, на коей честный крестъ воздвиженъ въ просвѣщеніе православнымъ, въ славу и утвержденіе благочестиваго царства". [1]) Самъ вселенскій патріархъ называлъ русскаго Царя Іоанна Грознаго „царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до сѣвера", а сына его Царя Θеодора Іоанновича „во всей подсолнечной единымъ благочестивымъ царемъ". [2])

Неудивительно, если русскій народъ, живо сознавшій свое призваніе, какъ именно православнаго народа, и поддерживаемый въ этомъ самосознаніи другими народами, воодушевлялся своею Православною вѣрою, любилъ ее даже до смерти. И было-бы крайне удивительно, если бы мы не имѣли любви къ православію.

Нельзя не любить того, что побуждаетъ любить самъ духъ нашъ, къ чему влечетъ насъ само сердце наше. Нельзя не ревновать о томъ, что дорого, правильнѣе, о томъ, что дороже всего на свѣтѣ. Ревность къ православію въ томъ и состоитъ, что мы любимъ его, дорожимъ имъ, считаемъ его выше всего, и стараемся о томъ, чтобы и другіе любили его такъ же, чтобы и

---

[1]) См. у А. Н. Муравьева. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. 1 стр. 15—16 и др.

[2]) См. у м. Макар. Исторія русс. цер. Т. X, стр. 37.

другіе цѣнили и дорожили имъ. Истинная и разумная ревность, чуждая фанатизма, который совершенно несвойственъ православію, покоится на глубочайшемъ убѣжденіи въ томъ, что православіе есть истинная вѣра въ Бога. Безъ этого убѣжденія никакая другая опора вѣры недѣйствительна. Это положительный историческій фактъ. Отсюда первый долгъ ревнителей православія, распространять въ средѣ нашего народа знаніе о православіи и убѣжденіе въ истинности православной вѣры. Извѣстны пути и средства, какими распространяется знаніе въ духѣ православной вѣры; убѣжденіе же въ истинности православія должно распространяться и передаваться семейнымъ и общественнымъ преданіемъ и воспитаніемъ изъ рода въ родъ и возвышаться до степени духовнаго сознанія размышленіемъ, чтеніемъ, наставленіемъ,—словомъ, духовнымъ воспитаніемъ и образованіемъ.

Съ другой стороны, при глубочайшемъ убѣжденіи въ томъ, что православіе есть единая истинная вѣра въ Бога, что оно даетъ и указываетъ намъ единственно вѣрный путь ко спасенію, невозможно не заботиться о томъ, чтобы Православную вѣру знали и ее исповѣдывали и тѣ люди, которые лишены сего блага. Отсюда другой долгъ ревнителей православія: заботиться всевозможными мѣрами о распространеніи Православной вѣры среди невѣдущихъ ея и всячески содѣйствовать и помогать тѣмъ, которые посвящаютъ себя сему истинно апостольскому подвигу.

То и другое и дѣлаютъ наши—Братство и Общество, служащія высокому, святому дѣлу православія.

Благословенъ Господь Богъ, отъ начала призвавшій русскій народъ въ нѣдра истинной, православной Церкви, указавшій ему свыше святую миссію —хранить, распространять и защищать православіе во всемъ мірѣ! Слава и честь и благодареніе св. великому князю Владиміру, покровителю нашего Братства, ревнителю православія, который, „слышавъ о православной, христолюбивой сильной вѣрою землѣ греческой,... возгорѣлся духомъ и возжелалъ сердцемъ—быть христіаниномъ и обратить всю землю" русскую въ православіе[1]). Помоги Богъ и вамъ, ревнители православія и распространенія православной вѣры среди невѣдущихъ ея,—вамъ, служащимъ великому, чистому, святому дѣлу!

Извѣстія и замѣтки.

Объ архіерейскихъ богослуженіяхъ

30 января Преосвященный Сергій, епископъ Уманскій литургію совершалъ въ Маріи Магдалинской ц. Фундуклеевской гимназіи.

13 февраля Преосвященный Сергій, епископъ Уманскій литургію совершалъ въ Борисоглѣбской ц. тюремнаго замка.

27 февраля въ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ литургію и торжество православія совершалъ Преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій и Сергій, епископъ Уманскій.

1 марта въ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ преждеосвященную литургію и панихиду совершалъ Преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій.

---

[1]) См. м. Макарія. Ист. русской церкви. Т. 1. Спб. 1889 г., стр 123.

27 февраля, въ 7 час. веч., въ залѣ Кіево-Фундуклеевской женской гимназіи состоялось торжественное годичное собраніе Кіево Владимірскаго Братства ревнителей православія и Кіевскаго комитета миссіонерскаго православнаго Общества. Собраніе почтили своимъ присутствіемъ намѣстникъ Лавры архимандритъ Антоній, ректоръ семинаріи архиманд. Константинъ, настоятель Выдубицкаго монастыря, архимандритъ Евлогій, кіевскій городской голова С. М. Сольскій, многіе профессора академіи и многіе другіе ревнители православія. По прибытіи въ собраніе преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго, предсѣдателя Братства и Комитета миссіонерскаго общества, хоръ Михайловскаго монастыря пропѣлъ молитву «Царю Небесный». Затѣмъ, доцентъ академіи, настоятель Андреевской церкви, свящ. Ѳ. И. Титовъ предложилъ собранію составленную имъ превосходную рѣчь «о православіи и о значеніи Православной вѣры въ исторіи русскаго народа», въ которой, на основаніи историческихъ фактовъ и положеній, показалъ, что православіе составляетъ великую историческую силу русскаго государства, историческій завѣтъ его, и потому истинно русскій человѣкъ не можетъ не любить и не ревновать о православіи. Послѣ рѣчи, прослушанной со вниманіемъ и живымъ интересомъ, и исполненія хоромъ концерта „Господи, услыши молитву мою“, секретарь Кіево-Владимірскаго Братства, свящ. Н. О. Стасиневичъ предложилъ отчетъ о дѣятельности Братства за минувшій 1899 годъ, 35-й отъ основанія Братства. Затѣмъ товарищъ предсѣдателя Братства, протоіерей П. Г. Преображенскій доложилъ собранію о нѣкоторыхъ предположеніяхъ Братства, въ видахъ расширенія дѣятельности его: между прочимъ, рѣшено устроить новый братскій домъ, въ которомъ будетъ помѣщаться братская школа, епархіальная библіотека и книжный складъ. Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя Братства, преосвященнаго Сергія, епископа Ман-

скаго, въ почетные члены братства избраны слѣдующія лица: преосвященный Ириней, епископъ Подольскій и Брацлавскій, преосвященный Іаковъ, епископъ Кишиневскій и Хотинскій, преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, заслуженный профессоръ Кіевской академіи, д. с. с. В. Ѳ. Пѣвницкій, каѳедральный протоіерей А. И. Браиловскій и А. Ѳ. Андріяшевъ.

Избранные въ почетные члены Братства преосвященные Ириней и Іаковъ, въ бытность викаріями кіевскими, преемственно состояли каждый довольно значительное время предсѣдателями Братства и не мало потрудились на пользу его; преосвященный Сильвестръ издавна состоитъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ Братства и щедрымъ постояннымъ жертвователемъ на его нужды. Каѳедральный протоіерей Браиловскій, служенію котораго Церкви Божіей исполняется въ нынѣшнемъ году 50 лѣтъ, также издавна состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Братства, а съ 1897 г. и членомъ совѣта, принимая по послѣднему званію самое живое участіе въ дѣятельности Братства. Заслуж. ордин. проф. академіи д. с. с. Пѣвницкій и д. с. с. Андріяшевъ состоятъ членами совѣта Братства, первый 28 лѣтъ, а второй съ основанія братства, постоянно относясь къ дѣятельности Братства съ самымъ живымъ сочувствіемъ.

Въ этомъ же собраніи избраны въ дѣйствительные члены Братства миссіонеры: свящ. Слюсаревъ, А. С. Бѣлогорскій и С. Потѣхинъ, также настоятели соборовъ уѣздныхъ городовъ, какъ главные послѣ епарх. миссіонеровъ руководители приходскихъ миссій въ епархіи.

Послѣ исполненія хоромъ Михайловскаго монастыря пѣснопѣнія «Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче», Н. С. Коджебашъ предложилъ собранію отчетъ о дѣятельности Кіевскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества за 1899 годъ, 30 со времени существованія его. На мѣсто

выбывшаго члена совѣта Братства и члена Комитета избранъ ректоръ семинаріи архимандритъ Константинъ.

Въ этомъ же собраніи было доложено, что 19 февраля настоящаго года исполнилось 50 лѣтъ служенія діакона Николаев. ц. 1 гимназіи, Стахія Григоровича, въ клирѣ церковномъ и что гимназіею, съ благословенія Его Высокопреосвященства, это событіе, знаменательное въ жизни о. діакона Григоровича, отпраздновано совершеніемъ молебна и поднесеніемъ св. иконы юбиляру. Діак. Григоровичъ въ теченіе 25 л. состоитъ учителемъ церковно-славянскаго чтенія и церковнаго пѣнія въ училищѣ при Св. Владим. Братствѣ и исполняетъ канцелярскія обязанности по братству, послѣднія безъ жалованья. Выслушавъ докладъ объ этомъ, собраніе выразило единодушное желаніе поднести діак. Григоровичу и отъ Влад. Братства икону Св. Князя Владиміра, въ сребро-позолоченной ризѣ и кіотѣ, въ выраженіе своей признательности скромному труженнику Братства за его труды и сочувствіе, по случаю исполнившагося 50-лѣтія служенія его въ клирѣ церковномъ. Послѣ чего Преосвященный предсѣдатель Братства и благословилъ юбиляра св. иконою, сказавъ краткое ему привѣтствіе отъ имени собранія.

Собраніе закончилось пѣніемъ молитвы «Достойно есть"...

Какое самое надежное средство отъучить народъ отъ пьянства.

Мнѣ припомнилось радостное время освобожденія крестьянъ, когда благодарный Царю народъ въ свѣтлый день объявленія свободы считалъ за грѣхъ выпить рюмку водки, тогда какъ почти всѣ ожидали, что будетъ повальное пьянство и даже принимались нѣкоторыя предохранительныя полицейскія мѣры, напр., въ Москвѣ, гдѣ я тогда жилъ. Одушевленіе народа на первыхъ порахъ было такъ велико и продолжительно, что во многихъ мѣстахъ духовенство воспол-

зовалось этимъ благодатнымъ настроеніемъ для образованія обществъ трезвости. Крестьяне съ радостью давали клятвы совсѣмъ не пить хмѣльного, просили священниковъ закрѣпить ихъ обѣты молебнами, чтобы Богъ далъ силы исполнить эти клятвы и даже просили записать ихъ имена на особыхъ листахъ. Это я видѣлъ самъ лично, живя въ Тверской губерніи въ Кашинскомъ уѣздѣ. Но нашлись добрые люди, которые придали отрадному явленію такой смыслъ, что духовенство хлопочетъ о народной трезвости для себя,—потому что чѣмъ народъ будетъ трезвѣе, тѣмъ зажиточнѣе, а потому и дохода духовенству будетъ доставлять больше. Это одни противники трезвости, бывшіе крѣпостники, лишившіеся своихъ доходовъ. Но явились и другіе болѣе опасные. Чиновники, наблюдавшіе за сборомъ питейныхъ доходовъ, начали кричать о сильномъ ихъ уменьшеніи и вслѣдъ за симъ явились косвенныя мѣры къ уничтоженію этого отраднаго явленія. Стали затруднять духовенству принимать обѣты крестьянъ при торжественной обстановкѣ въ церкви, будто-бы, изъ опасенія нравственнаго насилія со стороны духовенства надъ совѣстью крестьянъ. Безъ живого же участія духовенства и безъ обѣта даннаго въ церкви при самой торжественной обстановкѣ, слабая воля большинства крестьянъ, никогда не въ состояніи выдержать даннаго обѣта. Дѣйствительно, послѣ этихъ хитрыхъ мѣръ противодѣйствія, общества трезвости остановились на точкѣ замерзанія. Получая же внушенія отъ низшихъ свѣтскихъ властей, что на эти общества правительство смотритъ неодобрительно, какъ на общество какихъ то новыхъ сектантовъ, раскольниковъ, эти общества начали постепенно вымирать, а новыя перестали нарождаться. Это повальное явленіе въ свое время было предметомъ многихъ толковъ за и противъ, изъ которыхъ впрочемъ, благодаря тому что у нашего духовенства мало самостоятельности, ничего не вышло,—и духовенство совершенно опустило руки.

Если искренне хотятъ народной трезвости, то пустъ обратятся къ содѣйствію духовенства, но не для поддержанія увеселительныхъ заведеній, въ родѣ чайныхъ съ газетами музыкой и танцами, которыми теперь хотятъ отвлекать народъ отъ пьянства, а пусть дадутъ духовенству свободу устраивать братства или союзы трезвости при церквахъ изъ лицъ давшихъ обѣтъ не употреблять спиртныхъ напитковъ. Результаты будутъ самые утѣшительные. Народъ нашъ, во имя спасенія души, по голосу Церкви, способенъ на самые великіе подвиги. Даже самыя религіозныя заблужденія могутъ служить подтвержденіемъ вѣрности этой характеристики народа.

Свѣтскій человѣкъ.

Отъ Кіевскаго комитета по сооруженію памятника на мѣстѣ мученической кончины св. митрополита Макарія.

Давно сознанная мысль о необходимости сооруженія подобающаго памятника на мѣстѣ мученической кончины св. митрополита Макарія начинаетъ приближаться къ осуществленію. Этою мыслью теперь озабочены два комитета, основанные въ Кіевѣ и губернскомъ городѣ Минскѣ.

Условія, при которыхъ совершился фактъ мученической кончины святителя Макарія, знаменательны и глубоко-поучительны. Юго-Западная Русь, еще не успѣвшая оправиться отъ страшнаго татарскаго погрома, подпавъ подъ власть иноземныхъ и иновѣрныхъ государей, подвергалась опустошительнымъ набѣгамъ татаръ крымскихъ. Тысячи русскихъ людей гибли отъ варварскаго меча и уводились въ плѣнъ. Путешествіе при такихъ условіяхъ изъ Вильны въ Кіевъ было дѣломъ крайне рискованнымъ, и только высокое сознаніе святости долга и горячее радѣніе объ интересахъ всѣми оставленной и почти забытой матери городовъ русскихъ могло вызвать этого святителя на столь самоотверженный подвигъ

Застигнутый татарскимъ отрядомъ въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ Припетскаго Полѣсья (нынѣ м. Скриголовъ), въ моментъ совершенія литургіи, святитель Божій убѣждаетъ собравшихся около него богомольцевъ искать спасенія, гдѣ кто можетъ, а самъ остается у алтаря и воспринимаетъ мученическую смерть. Въ этомъ подвигѣ, достойномъ души святой и великой, наглядно выступаетъ значеніе той могучей нравственной силы, которая спасала многострадальный русскій народъ въ минуты постигавшихъ его тяжкихъ историческихъ испытаній. Чествуя нынѣ память святителя-подвижника благоговѣйнымъ вниманіемъ къ мѣсту, гдѣ пролита его праведная кровь, мы этимъ свидѣтельствуемъ, что наше историческое самосознаніе доросло до пониманія величія и святости совершеннаго имъ подвига, а посильнымъ матеріальнымъ пожертвованіемъ въ пользу предпринятаго комитетами благого дѣла мы проявляемъ христіанскую любовь къ мѣстному населенію, которое, твердо храня въ памяти преданія о кончинѣ святителя Макарія, мучится мыслью о томъ, что, по своей матеріальной скудости, оно не въ силахъ выразить своихъ святыхъ чувствъ подобающимъ образомъ.

По проекту комитетовъ, буде окажутся средства, на мѣстѣ мученической кончины святителя Макарія предположено соорудить часовню и церковно-приходскую школу, въ которой нуждается этотъ удаленный отъ культурно-просвѣтительныхъ центровъ край.

Пожертвованія принимаются въ Кіевѣ: 1) на имя предсѣдателя Кіевскаго комитета преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго (въ Михайловскомъ монастырѣ), 2) на имя намѣстника Кіево-Печерской лавры, архимандрита Антонія (въ Лаврѣ), 3) на имя церковнаго старосты г. Брычкина (въ Софійскомъ соборѣ). Въ губернскомъ городѣ Минскѣ, на имя предсѣдателя Минскаго комитета, каѳедральнаго протоіерея Т рнопольскаго. („Кіевл.“)

совершенно невозможно получить, даже имѣя знакомыхъ въ Москвѣ, такъ какъ послѣдніе не могутъ знать многихъ отраслей, да и давать имъ порученія не всегда удобно. Журналъ „ДѢЛО" избавляетъ провинціаловъ отъ этихъ затрудненій.

Полные экземпляры за 1894, 95, 96, 97 и 98 годы съ пересылкой. ПО ОДНОМУ РУБЛЮ за каждый годъ.

Цѣна за годъ въ 1900 г. съ пересылкой ДВА РУБЛЯ за 1/2 года 1 р. 10 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мал. Дмитровка, Воротниковскій пер., д. Ляпиныхъ. Иногородніе могутъ адресовать просто; Москва, Журналу „ДѢЛО", такъ какъ подробный адресъ Почтамту извѣстенъ.

Редакторъ-Издатель Dr. *М. Н. Глубоковскій.*

Для Юго-Западнаго Края

Коммиссіонеромъ Придворной пѣвческой капеллы состоитъ Книжный и Музыкальный Магазинъ *Владислава Идзиковскаго*, Кіевъ, Крещатикъ д. № 35.

Каталоги духовныхъ сочиненій безплатно.

Неоффиціальной части редакторъ *Павелъ Троцкій.*

Содержаніе: Поучительное чтеніе о чудотворной иконѣ Кіево Братской Божіей Матери.—Адресъ преосвященному Сергію, Епископу Уманскому.—О православіи и о значеніи Православной вѣры въ исторіи русскаго народа.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Кіевс духовн. цензур. Комитета печат. дозв. 16 марта 1900 г.
Цензоръ, проф. Акад прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.